

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

15.02.2016

№2 (59) Февраль 2016 года

• Встречи в библиотеке

НЕСЛУЧАЙНЫЕ СЛУЧАЙНОСТИ

Началось всё, пожалуй, с этого письма из США в Торопец: «Я уже немолодой человек, – писал Поль Лоренс. – У меня есть большая мечта: приехать и посидеть за партой в родной школе». Письмо это, пройдя через многие руки, попало к Галине Церникель, работавшей тогда в торопецкой районной газете.

Будучи человеком активным и привыкшим добиваться результата, она не оставила поиски родственников ученого и исследователя Поля Лоренса – одного из разработчиков пилотируемых космических кораблей многоразового использования «Шаттл» – до тех пор, пока не отыскала его брата, живущего в Прибалтике.

Поиски были непростыми, поскольку фамилии и даже имена братьев менялись из-за их непростых судеб. Брат Поля Лоренса на тот момент носил фамилию матери – Крикет. А самого Поля, когда-то жившего в Торопце и учившегося в первой школе, звали в то время Север Богданов. Во время войны Богданова и его маму угнали на работы в Германию, мама умерла, а юноша оказался в американской оккупационной зоне. После войны он уехал в США, где получил образование и работал в НАСА с 1959 года.

И уже там торопецкий паренек показал все свои блестящие способности, точный ум, стремление к самообразованию. Поль-Север стал авиационным инженером, специалистом по металловедению. Именно он занимался разработками наиболее прочных сплавов для оболочки «Шаттла». Говорят, именно он предсказал гибель другого известного американского космического корабля «Челленджер», убеждая в том, что примененный для него металл может не выдержать планируемых нагрузок. Руководство НАСА отмахнулось от инженера. «Челленджер» разбился на глазах у всего мира, развалившись на куски сразу после старта, экипаж погиб. После этой трагедии Поль стал очень популярен у американских СМИ, все кинулись брать у него интервью. Сам же инженер воспринял крушение как личную трагедию, переживал и вскоре ушел из корпорации.

Галину Церникель благодарный Лоренс пригласил в гости, ведь она фактически возвратила ему родных. Вместо запланированной короткой гостевой поездки Галина задержалась в Америке на долгие десять лет. Она стала спутницей Севера в последние его годы. Каждый из них назвал это время самым счастливым периодом своей жизни.

И ещё об одной случайности, думаю, здесь нужно рассказать. Примерно 55 лет назад я поправляла здоровье в хотилицком детском санатории. Накрепко засела в памяти Галя Выражейкина из Торопца, девочка, удивившая меня. Я заметила её, что-то записывающую в свою тетрадку, когда писала свои детские стихи в блокнотик. «Ты тоже пишешь стихи?» – спросила её тогда. «Нет, – ответила девочка серьёзно, – я пишу роман».

Спустя годы, пыталась разузнать у знакомых торопчан судьбу Гали Выражейкиной. Не выходил у меня из головы этот её роман: написан ли он, а может быть и не один? К этому времени хорошо были знакомы с Галиной Церникель, поскольку обе – журналистки, работавшие в соседних районах и питавшие обоюдную симпатию. Но почему-то у этой Галины никогда не спросила про ту, из своего детства. И лишь недавно выяснилось случайно...

Вы уже догадались? Да, это та самая Галя. Детский её роман остался незавершённым. Зато в роман превратилась её жизнь, подарившая пусть и на склоне лет такую встречу! Роман она пишет сейчас. О Севере, о его непростой судьбе, детстве и юности, скитаниях по странам и континентам до того, как попал в США, о мечте побывать в России, так и не воплотившейся. Но прах его нашел упокоение в родной земле. Галина исполнила последнюю волю Севки, как называла его все годы совместной жизни к великой его радости.

Вот об этом и рассказала Галина на встрече в нашей библиотеке. Внимательный слушатель вникал в перипетии судеб людей, оказавшихся после революции по разные стороны баррикад. Война усугубила сложности судеб. И лишь любовь соединила, казалось бы, несоединимое.

Роман о Севере пока в рукописи, Галина тщательно выписывает детали, услышанные от мужа. Воображение помогает ей восстановить картинку старого Торопца и мысли мальчика, разлученного с родиной.

Одну главу из рукописи она прислала нам для публикации в «Светлячке». Читайте, вспоминайте, размышляйте.

М. Петрова

Здравствуй, Польш!

Я начинаю писать книгу о тебе. Поверь, мой любимый, как трудно прикрепить к бумаге историю под названием «жизнь»! Нам еще шагать и шагать по трудным дорогам твоей судьбы. Но я верю, что все преодолению. И ты мне в этом поможешь!

Глава пятая

ГОРОД НАД ОЗЕРОМ

Город его детства, его юности ...

В начале века, в румяную пору кадетства, он приехал в Торопец на рождественские каникулы. Наспех замотав башлыком шею, полетел стрелой на Хлебную площадь, где с раннего утра торговалась, шумела и гуляла самая богатая ярмарка года – Рождественская! Обгонял зазевавшихся прохожих, оскальзываясь на ледяных дорожках возле каменных столбиков Миллионной, и торопливо крестился на купола и кресты. Захватывало дух от разложенных на прилавках товаров всех видов, образцов и фасонов.

Возле поворота на Сенную не протолкнуться от крестьянских подвод. На возах горами навалены зелёные ёлки. Лапы пушистых пленниц стянуты пеньковыми верёвками. Ледяные капли кольчугой серебрятся на иголках. Деревянные крестовины запелёнуты в рогожки. Возле обитых жёстью ларей с пряниками клубятся влюблённые парочки. Неподалеку над мясными прилавками вздёргнуты на крюках стеклянно замерзшие, выскобленные до синевы свиные туши. Бараньи головы на железных подносах пугают детвору лиловыми студенистыми глазами.

Крестьяне все крепкие, бородатые, домовитые. Мите нравится, как неспешно они ведут торги. То и дело доносится :

– А, слышь-ка, мил человек... – По-Божески – те говорю...

В плетёных корзинах возмущенно гогочут откормленные гуси с красными, словно обмороженными связанными лапами. Откидной верх дубовых бочек украшен игольчатой снежной бахромой. В рассоле теснятся оливкового цвета твёрдые огурцы, облепленные смородиновым листом. Вороньим блеском отливает свежая «троичная» икра в липовых, выстланных холстиной, бочонках. Её на тройках везут с Кавказа по России. Отсюда и название.

Митя ныряет под овальную арку Гостиного двора. По пряному запаху, как по следу, добирается до корытец с провансальской капустой. Втягивает ноздрями запах жёлто-розовых мороженных завитков с алыми искорками клюквы. Капуста щедро переложена фиолетовыми сливовыми дольками и бледными кусочками антоновки. Митя платит за фунт и опускает лыковую коробочку в ранец, поборов искушение тут же набить рот ледяным хрустящим лакомством. Дверь в гостинные ряды поминутно хлопает. Он протискивается внутрь.

На прилавках в коробках посверкивают английские елочные украшения, ломит глаза от золотой и серебряной канители. Просятся в ладони зверюшки из тугой ваты в блёстках прозрачного нафталина. Апельсинового цвета лисята, светло-серые ежата и зайцы с барабанами, бурые медведицы в сарафанах и алых кокошниках. В центре прилавка манят шёлковые и атласные бонбоньерки. Воздух пропитан ароматами душистого мыла Товарищества Броккар и К с марками и медалями на глянцевах обертках. В воздухе веет сложными запахами о-де-колона, глицериновых сливок, рисовой мягкой пудры. От прилавка с дорогой парфюмерией растекается влажный и сладкий запах «Нильской лилии» Эрнеста Бо. Веера, флаконы, ручные зеркала в тонкой золочёной оправе. Восточные шелка, масла и притирания.

Митя длинно и радостно выдохнул и, не желая ничего пропустить, снова ринулся на площадь.

Здесь, перекрывая гортанные крики торговцев, гремят трещотки, тонко пищат «уйди-уйди». В сизый от мороза воздух вливается журчание ветхого музыкального ящика, исполняющего «Ланкерровский вальс».

Зрители, столпившись возле заезжего кукольного театра, отбивают ладони, ожидая появления на дощатой сцене усталых путников Марии и Иосифа.

В оживлённую толпу деловито ныряют и лавочные подростки с дымящимися медными чайниками. На груди постукивают широкие ожерелья маковых баранок. Терпеливые мальчишки-разносчики в тулупчиках с холстинковыми передничками важно потряхивают подносами со сладостями. Как серьёзные клубничные от мороза лица, как не улыбочивы глаза из-под отцовских трехов! Ему становится весело. Он покупает у маленьких торговцев сладкие маковки на меду, запивая фруктовым чаем из синей фаянсовой кружки.

С восточной стороны под овальными сводами на прилавках высятся «штуки» снежно-белого коленкора, хрустящего льна и голубого, как незабудки, ситца. Ямщики с Холмского тракта в праздничных поддевах под распахнутыми тулупами мнут в пальцах материю братьев Харинских и яростно торгуются. За торгом стеснительно и жадно наблюдают их зазнобы в многослойных шерстяных юбках. (продолжение на стр. 3).

(начало на стр. 2.)

Тринадцатилетний Митя, оглянувшись украдкой, надолго «застрял» у кукольного театра. Он стеснялся своего влечения к уличным представлениям, боясь насмешек друзей-кадетов. Слава Богу, знакомых петербуржан нечасто можно встретить в пёстрой праздничной толпе!

Пока он прогуливался по торговым галереям, декорации сцен рождения младенца Христа сменились. На помосте под жёлтым шелковым куполом раскинулся восточный цирк. Придирчивый взгляд отметил бы и потёртость декораций и дешёвизну ярких материй. Но непритязательные зрители, облепив помост, жадно ожидали начала представления.

Под золотистым сводом цирка томился от неразделенной любви Петрушка с белым, словно присыпанным лучшей авойковской мукой, лицом. Большие чёрные глаза лихорадочно блестили. Краснели длинные печальные губы.

Принцесса в пене золотистых волос казалась южным цветком, выставленным на мороз. Хрупкое тело затянато красным трико. Бледно-сиреневое кружево шальвар стягивала широкая резинка.

На сцене царил разодетый губастый Арап. На свирепом лице сверкали белки глаз. У пояса широкая кривая сабля. Красавица не спускала с хозяина цирка преданного взгляда. Напрасно Петрушка заламывал длинные руки, заклиная Принцессу бежать от безжалостного Арапа. Циркачка алой змейкой скользила по сцене. Она оставалась равнодушно-глуха к мольбам влюбленного. В ответ на особо пылкие признания встряхивала золотистой головкой:

—Ах, оставьте! Вы, наконец, несносны!

Зрители, затаив дыхание, следили за соперниками. Они всей душой соперничали нелепому герою, в груди которого билось горячее, как пламя, сердце. Всесильный Арап торжествующе хохотал. Голос клетчатого Петрушки звучал всё безнадежнее и глуше... Неужели горячие чувства не растопят душу капризной красавицы?

Но вот Принцесса, прижав ручки к губам, послала несчастному воздушный поцелуй. Петрушка просиял. Сломавшись в поясе, губами коснулся тупельки своей повелительницы. Ревнивый Арап, не ожидая такого поворота событий, выхватил кривую саблю. Под многоголосое испуганное «А-а-ах!» чёрный басурман рассёк грудь Петрушки.

К ногам Димы упало маленькое окровавленное сердце. Ему показалось, что оно живое и бьётся на истоптанном снегу. Мальчик схватил малиновый комочек и стиснул мгновенно вспотевшими ладонями. Его обдало волной внезапного, невысказанного счастья. Митя не желал знать, что подобрал жалкий кусочек марли, набитый ватой и пропитанный клюквенным соком. Он поднёс комочек к губам и стал дышать на кукольное сердце, исступленно желая его оживить.

Именно ему неожиданный случай доверил вложить в рассеченную грудь героя сердце, в котором лужицей сока застыла неразделённая любовь... Он вернёт балаганному герою жизнь! Вспыхнут румянцем щёки Петрушки, косо и испуганно дрогнут ресницы ...

Никто в толпе ничего не заметил. Зрители жадно досматривали спектакль. Испуганная Принцесса роняла слёзы над поверженным Петрушкой. Вот она вздохнула и уронила нарядную головку на плечо Арапа. Тот по-хозяйски обнял золотоволосую подругу. Дима пробился к краю сцены. Пунцово покраснев, протянул Принцессе раскрытую ладонь. Если нельзя воскресить героя, пусть оставит себе нелепое сердце, наполненное нежностью и мукой! Тогда Петрушка хотя бы на миг воскреснет в её памяти!

Но спектакль уже закончился. Зрители отбивали ладони, встречая вышедших из-за помоста артистов. Бритый мужчина волочил на тросиках чёрного, враз похудевшего Арапа. Рядом с ним стояла женщина в суконной накидке. На сгибе руки висела переломленная в талии Принцесса. Девочка-подросток с вымазанными киноварью щеками кланялась как заведённая. За её плечами трепалось то, что осталось от страдающего Петрушки. Прыгало за спиной небрежно размалёванное лицо из папье-маше. Свешивались бессильные клетчатые руки ...

И это – Петрушка? Артисты раз за разом выходили кланяться. Трещали, не смолкая, аплодисменты зрителей.

Митя посмотрел на небо. Там метались затуманенные звёзды. Мальчик, поколебавшись, выбросил мёртвое сердце в сугроб и побрёл с рынка. Он где-то потерял свои перчатки. Липкие пальцы обкусывал мороз. Он не замечал этого.

Ему хотелось ругаться или заплакать. Он вышел на Успенскую и свернул на Благовещенскую,

(продолжение на стр.4).

(начало на стр. 2-3).

чтобы лишний раз поглазеть на деревянные барабаны над дверями лютеранской кирхи.

Вот и его Широкая Северная! Милые деревянные домики уходят в лиловую мглу. Печные трубы украшены пышными султанами белого дыма. Окна домов в шершавых снежных ветках и переливаются павлиньими перьями. Это мерцают развешанные в глубине комнат гирлянды. Радужно вспыхивают огоньки свечей в тихих окнах соседей Низовцевых. У низкой калитки тает густое и сладкое ванильное облачко.

Ледяная, волшебная ночь! Пустынная улица похорошела и замерла в таинственном ожидании. В такую ночь всё приобретает иной вкус, иной запах и иной смысл. Рождество!

Его с нетерпением ждут дома. Почему же так пусто и холодно на сердце? Мороз терзает и щиплет ладони. Митя засовывает негнущиеся пальцы в карманы шинели.

Из трёх Широких улиц – Восточной и Южной, его домашняя Широкая Северная и впрямь самая широкая...

Галина Церникель,
Торопец

(прототипом героя стал отец Севира – Дмитрий Богданов).

• Хотите – верьте...

РОЗОВЫЙ КРОКОДИЛЬЧИК

Случай этот произошел на Охватском озере года четыре, а может пять, назад. Красивое место. Березовая роща, озеро. На противоположном берегу небольшая деревенька с необычным названием Бдынъ.

Был жаркий летний день. Выходной. Народ приехал отдохнуть. Кто-то купался, кто-то плавал на надувном матрасе, кто-то жарил шашлычок.

Местный художник Евгений, приехавший на отдых с семьей, выставив прямо в роще свои картины из бересты, рисовал пейзажи.

Дети плескались в воде у берега, визжа от удовольствия.

Моя дочь Наталья переплывала на тот берег и, немного передохнув, плыла назад. В очередной раз, она возвращалась с того берега и, подплыв к этому, встала на ноги (глубина уже позволяла). Каким-то необъяснимым чувством ощутила на себе чей-то взгляд и повернула голову. (Плос неширокий в этом месте). Где-то на середине, из воды виднелся блестящий розовый плавник, и на нее смотрело "нечто", похожее мордочкой на маленького крокодилчика. "Мордочка была добрая", – так охарактеризовала Наталья того, кто был в воде.

Народ, тоже увидев это "чудо", поспешил на берег.

Художник Евгений, взяв на всякий случай нож, поплыл туда, где был розовый плавник. Но тут на большой скорости со стороны Охвата по озеру пронесся катер (люди катались на водных лыжах). Розовый плавник исчез и больше не показался.

Евгений говорил потом, что с высокого берега было видно туловище метра 1,5 длиной и вдоль него похожий на крылья светлый шлейф.

К сожалению, никто не снял это на камеру. Все произошло очень быстро и неожиданно. Но я помню еще один похожий случай в Бобровце.

Жил там мужичок, которого все звали Николашкой. Любил Николашка крепко выпить. И вот как-то летом, разморило его, пьяненького, на берегу, и он уснул. А, когда проснулся, увидел в озере точно такого розового крокодилчика, как он потом рассказывал.

Люди, конечно, над ним смеялись, говоря, что спьяну Николашке розовые крокодилы мерещутся.

Теперь думаю, что он, действительно, мог видеть то, что увидели в тот летний день многие люди на Охватском озере, ведь в Бобровце то же самое озеро Охват.

Может это был какой-то маленький динозаврик, вернувшийся из далекого прошлого, может еще какая рептилия?.. Остается загадкой! Только это Было!

Нина Шандаевская,

Андреаполь

• Сердце в корзинке

Наталья Иванова,

Пено

*Отдал сердце сокровенное,
И молю: «Не возвращай».**И. Столяров*

* * *

Между баклажанами и перцем,
Где пучки редиски встали в ряд,
Мне на рынке предложили сердце,
Как подросших к осени котят.

Забесплатно, даром, в руки добрые,
Если приглянулось – на, бери!
В ивовой корзинке неужемное
Что-то трепетало там внутри.

Билось в прутья, прыгало как мячик,
То пускалось рысью, то в галоп,
Что-то настоящее ... горячее...
Прямо где морковь и укроп,

Где капуста, яблоки с хурмой, –
Ходит, удивляется народ:
«Сердце... сокровенное... живое...
Только вот в засолку не идёт.»

Постоят чуть-чуть, пожмут плечами,
И рассудит каждый по уму:
«Я пришёл сюда за овощами, –
Мне живое сердце ни к чему!»

Пётр Бобунов,

Нелидово

*Но в засолку сердце не идёт.**Н.Иванова*

* * *

А на рынке, а на рынке,
там, где всякий люд снуёт,
сердце мается в корзинке:
«Может, кто меня возьмёт?!
Было б я ему послушно,
берегло бы не за страх, –
никогда вдвоём не скучно,
всё возможно, всё в руках!»
Да, не плохо б «вещь» такую,
но с покупкой не спешу –
вдруг его замариную,
или даже засушу?!
А кругом народ толкётся,
невнимательный народ:
не возьмут – оно ж сожмётся

и потом в себя уйдёт.
Это плохо, это скверно,
сколько помню на веку,
я на днях видал консервы
«Сердце в собственном соку».

• Новые стихи

Ольга Венкова,

Андреаполь

СТРАННЫЕ ТАНЦЫ

Перрон под ногами – пропасть.
Сердце с жизнью не в такт.
С плеч упорхнул в нашу осень
Весенний ажурный шарф.
Во взгляде тону бездонном,
Запах ловлю, ловлю.
Тебя я... тебя я помню,
Музыку помню твою.
Прежним аккордом нежным
Пальцы легли в ладонь.
Ветер метро грешный,
Сердце мое не тронь.
Пальцы, сплетенные в нежность,
Нету силы разжать.
Время уходит. В вечность?
В душу – душа. Танцевать.
Странные танцы. Трудно
Кружить под сводами арф...

...Кто-то вернул ажурный
С плеч улетевший шарф.

Ты не найдешь на карте пути,
Что суждено нам проехать, пройти.
Не нарисованы эти дороги,
Горы и пики, реки, пороги.

Бури-события, люди, как камни,
Ночи в угаре, горе и травмы.
Травмы коленные, травмы душевные,
Горе и счастье... попеременно.

Строим мосты и пляшем по кочкам.
Плачем от счастья, от горя хохочем...
Некогда думать. Незачем? Нечем?
Время уходит. Будем жить вечно?

• Двое

Людмила Леоненкова

Вьется белая пороша,
Плачет ветер на юру.
В этот вечер непогожий
Я тебя, любимый, жду.

Разожгла огонь в камине,
Стол накрыла на двоих.
Янтарем вино в графине
Золотистое горит.

В хрустале играют блески,
Тают тихо в глубине.
В окна снег бросает хлестко
Ветер в серой полутьме.

Ты войдешь – дохнет с порога
Холодок с одежд твоих.
«Замело совсем дорогу», –
Тихо мне проговоришь.

И к огню протянешь руки,
Дверь, захлопнув за собой...
Вальса медленные звуки
Околдуют нас с тобой.

Наталья Иванова

Сквозь беспечность и тревогу,
Через радость и беду,
По своей дороге к Богу
Не сутулясь я иду.

Может прямо лечь дорога,
Может в лес свернуть, губя.
А молитва есть... для Бога,
И другая – для тебя.

Я прошу у Бога силы
Жизнь свою в любви прожить,
А тебя прошу: помилуй,
Дай мне силы разлюбить.

Маргарита Петрова

Стала жить в среднем роде,
Любовных тревог не хочу.
Но по женской природе
Всё тянет к мужскому плечу.

Просто так, прислониться,
Страстей не имея в виду.
Я – озябшая птица
В запущенном старом саду.

Светлана Миронова

Вот как-то так. Он прав наверняка:
Однажды всё само собой решится,
Закроют солнце в небе облака,
Умолкнут в роще сказочные птицы.
И кто-то скажет: «Время истекло!
Пора опять отправиться в реальность!»

И будет мухой биться о стекло моя душа...
Изменится тональность
Сердечной песни: снова «ля минор»,
А может быть, опустится и ниже...
И только глаз моих немой укор,
Да горечь слёз, которые всё ближе.
И этот вечный гамлетовский спор:
«Быть или не быть?»
И серые рассветы.
Да дикое желание завывать.
И тысячи вопросов без ответов...

Владимир Юринов**НЕСПЯЩИЕ В НОЧИ**

– Снова бессонница сводит с ума,
снова горчит на губах сигарета.
Где-то внизу затерялась планета
в душных объятьях июльского сна...
– Знаю: судьбой суждено нам не спать –
жарко дышать в ожиданье рассвета.
В жадную пасть ненасытного лета
твой огонёк полетел умирать...
– Ночь за окном, и мы снова вдвоём –
вновь силуэт твой в проёме оконном.
Мы не знакомы с тобой и знакомы –
так отраженье своё узнаём...
– Может, уже наступила пора,
чтобы отбросить сомненья и робость...
– Но между нами бездонная пропасть...
– Но на пути чёрный космос двора...

Город обрушен в пропасть ночи,
чёрные тени взобрались на стены,
в чёрных витринах спят манекены,
им для бессонниц нету причин.
Нету причин для бессильного зла,
для вопрошанья безлунного неба.
Днём им хватило зрелищ и хлеба.
Это ль не повод для крепкого сна?
Плоскоголовые дремлют дома,
но берегись, одинокий прохожий, –
если шагами их сон растревожишь –
словно средь лета проснётся Зима.
И с неподвижных каменных лиц
холодно глянут чёрные окна...

– Как одинок ты...

– Как ты одинока...

под перекрёстным огнём их глазниц!
В каждом вопросе заложен ответ.
Только Бессонья Закон непреложен.

– Разве неспящим выбор предложен?

– Разве у спящих выбор нет?..

Снова бессонница сводит с ума,
ночь бесконечна, черна и упруга...

– Нам не порвать злополучного круга...

– Нам не порвать злополучного круга...

– Нам не порвать злополучного круга...

– Нам не порвать...

- Хранится в памяти

Ш Р А М

Я росла без отца. У него была другая семья, и он всего один раз за мое детство навестил меня. Но у папы был младший неженатый брат, который очень часто приезжал меня проводить. Привозил гостинцы и всегда поднимал меня на руки, целовал и приговаривал: «Ух, ты, какая большая выросла!».

Я любила дядю Ваню и одновременно очень боялась, потому что через всю щеку у него шел страшный шрам. Мои бабушка и мама не знали, откуда у дяди Вани этот рубец. Когда я пошла в школу, мой дядя перестал приезжать ко мне. Я сначала ждала его, но потом постепенно забыла. Окончив учебу в техникуме, я решила сама навестить отца, и приехала в деревню, где он жил с новой семьей. Там же жила и моя бабушка по отцу Саша. Она рассказала мне, что дядя Ваня в начале шестидесятых лет завербовался и уехал на буровую в Сибирь. Я поняла, почему он больше не навещал меня. Самое главное, она смогла ответить на давно мучавший меня вопрос, откуда у дяди Вани шрам. Вот что она мне рассказала.

Шла Великая Отечественная война. В августе 1941 года немецкие войска оккупировали Андреаполь. В деревне, где проживала семья моего отца, расположился немецкий гарнизон, а в школе – штаб. Яков Федоров, отец семейства, мой дед по отцу, был призван в ряды действующей армии, а жена его Александра вместе с двумя дочерьми и четырьмя сыновьями осталась в родной деревне.

Папе моему Сергею было 11 лет, а брату его Ивану шел десятый год. Напуганные страшными слухами о зверствах фашистов, селяне вторжение немцев встретили с потаенным ужасом. Немцы по-хозяйски расположились в избах, а сами жители вынуждены были ютиться в баньках и хлевах. Начальник гарнизона распорядился, чтоб собрали по дворам оставшихся свиней и овец и зарезали.

Несколько дней пировали фашисты. В больших котлах варилось мясо, запах ароматного навара стоял над деревней. Бабы и старики последними словами ругали врагов, утирая слезы. На двух колхозных лошадях немцы приказали ребятам постарше ездить в деревню Луги за хлебом для фашистов. Колхозных коров перед оккупацией района отогнали подальше в тыл, частники же своих перерезали, чтоб не достались врагу. Огороды с картошкой, находящиеся за околицей, разворотили и истоптали при отступлении свои же.

Голод и страх поселился в деревне. Вечерами старики да бабы тайком собирались в чьей-нибудь баньке и шепотом переговаривались о том, что, судя по тому, как нагло и бесшабашно ведут себя немцы, силища у них непомерная. Но просачивались в деревню и другие слухи. Недавно партизаны взорвали железнодорожный мост в Андреаполе, а вчера, дескать, перебили всю немецкую колонну на «валовой» дороге, соединяющей Пено и Андреаполь.

Перестали немцы горланить песни на своем языке да играть на губной гармошке. Наступала русская зима, с ее метелями да морозами. Пробирали холод немецких вояк, одетых в легкие шинели, надеявшихся на скорую победу. Поотбирали фашисты шубы да тулупы у крестьян. Оккупанты заставляли селян рубить в лесу сухостойные деревья, да так и запихивали целые бревна в печки. Боялись люди, что сгорит деревня, но Бог услышал их мольбы, все дома остались целы.

Нелегко было жить среди врагов. Постоянный страх ютился в душе у каждого. Постепенно селяне привыкли к неприятному соседству и чужой речи. Но дети оставались детьми. Холодно и голодно было, а ребяташки, надев латаные-перелатанные валенки и драные шубейки, взяв самодельные санки, катались с горок, играли в снежки. Немцы ребят не притесняли. Среди немецкой техники был «студе беккер», который раз в неделю привозил немцам сухой паек: галеты, сигареты, тушенку. Деревенские мальчишки постоянно проявляли интерес к «заморской» технике. Стоило машине появиться за околицей, они толпой бежали посмотреть на нее. Робко жались поотдаль, близко подходить боялись.

Мой дядька Ванька был жутко любопытным пацаном. Ему с раннего детства нравились любые механизмы, а здесь была огромная зеленая машина, и от нее так вкусно пахло бензином. Однажды, решив посмотреть, что находится у этой машины снизу под кузовом, Ваня зашел сзади и залез под нее. Шофер немец разгрузил ящики и стал сдавать назад. Ваньку он не видел. Машина двинулась,

(продолжение на стр. 8).

(начало на стр. 7).

мальчишка попытался выскочить, но рваным карманом зацепился за какую-то железку, и его потащило перед колесом.

Мальчишки, увидевшие это, жутко закричали. Немец заглушил мотор, выскочил из кабины и бросился к Ваньке. Кровь заливала лицо ребенка, щека и верхняя губа были разорваны, из зияющей раны были видны зубы. Немец побледнел, схватил мальчика и бросил его в кабину. Взревел мотор, и машина умчалась. Перепуганные ребята помчались к матери Вани и сбивчиво рассказали о случившемся.

Прибежали соседские бабы. Дружным ревом огласилась банька, где жила Александра. «Пристрелит мальчонку, немчура проклятая», – голосили бабы. До вечера рыдала безутешная мать, оплакивая своего непутевого сына. Вдруг раздался визг тормозов, и у дома остановилась машина. На пороге стоял смущенный немец, держа за руку забинтованного Ваньку. По-немецки, помогая себе руками, шофер пояснил, что он не виноват в случившемся, что возил мальчика к немецкому врачу. Объяснил, что зовут его Отто, и вынул из-за пазухи фото, где был снят он, его жена и двое его сыновей, примерно погодков Ваньки и Сережки, потом робко протянул Александре буханку хлеба и банку тушенки, видимо, свой паек.

Весть о Ванькином возвращении облетела всю деревню, и вечером при свете коптилки, он важно рассказывал, о том, как немецкий доктор зашил ему рану и смешно по-русски говорил: «Очень карашо, рус Иван».

В январе 1942 Красная Армия выбила фашистов из деревни Ревякино, люди вздохнули с облегчением и начали налаживать свой быт.

Ванька Федоров вырос, в шестидесятые годы завербовался на буровую в Сибирь. Прожил более пятидесяти лет, нося на лице шрам, как воспоминание о той проклятой войне и немце Отто, который хоть и был немцем, но фашистом не был и поступил, как порядочный человек, по закону человеческого и Божьему. Роковая случайность стала причиной смерти моего дяди Вани, однажды вертолет, доставлявший рабочих на буровую станцию, загорелся, взорвался и рухнул в тайгу.

Наталья Ушакова,
Андреаполь

• Мысли вслух

НА ВСЯКОГО МУДРЕЦА ДОВОЛЬНО ПРОСТОТЫ

В этом ещё раз убедился, прочитав вопросы, задаваемые Джорджем Оруэллом: «В самом деле, откуда мы знаем, что дважды два – четыре? Или что существует сила тяжести? Или что прошлое нельзя изменить? Если и прошлое, и внешний мир существуют только в сознании, а сознанием можно управлять – тогда что?».

На первые три «глубокомысленных» вопроса бесспорный и очень простой ответ известен давным давно: из ежедневной практики каждого индивида и всего человечества в целом.

Из этой же практики (из обыденной жизни людей) так же давно известен простой ответ и на четвёртый вопрос: а ничего! Прошлое ни в статике, ни в развитии в сознании не существует. Существует только мысленный конструкт – память о прошлой действительности. Можно изменить оценку и интерпретацию её фактов. Но сами факты прошлого изменить нельзя. Внешний же мир существует независимо от нашего сознания. Являясь частью внешнего мира, мы взаимодействуем с другими его частями и воздействуем на них доступными для нас способами. Но были, есть и будут тщетными любые попытки уничтожения внешнего мира каким бы то ни было воздействием на своё сознание или сознание других людей.

Александр Мальчуков,
Андреаполь

• Из газеты «Тверская жизнь»:

Еще одна гостя – Маргарита Петрова из Андреаполя, презентовала на «Тверском переплете» коллективный альманах «Светлячок». По сути, тетрадный, домашний вариант чтения, который открывает многим поэтам и прозаикам путь к творческому общению. Как об этом отлично сказала в своих строках Маргарита, они с земляками собираются, чтобы «души своей середочку подштопать».

Именно так все было и на «Тверском переплете». Спасибо, друзья!

• «Тверской переплёт»
Святослав Михня,
 Тверь

Работает ответственным секретарем в редакции "Ленинского знамени". Автор двух поэтических сборников и краеведческих книг; дипломант Всероссийского краеведческого конкурса «Наше культурное наследие», дважды лауреат премии «Золотая тыква».

* * *

Не замечая круговерть часов, брожу я.
 Незримо впитываю смерть, пока чужую,
 поскольку сам еще терплю, смотрю и вижу:
 жизнь устремляется к нулю, к зиме поближе.
 С двойною рамою окно мое открыто;
 небес холодных полотно дождем омыто.
 Он коготками по зонту скребется дерзко,
 а ветер ветви в высоту кидает резко.
 Там вечных облачных снегов застыла пена.
 Исчезнет след любых шагов в ней постепенно.
 Бесследна череда времен, бесследно чудо,
 чей смысл недопрояснен кивком оттуда.
 Как будто кто-то жизнь послал письмом в конверте
 мне, чтобы я не забывал ее по смерти.

* * *

Льнут невидимки-дни к серым домам и окнам.
 Будем вдвоем. Одни.
 День или год – не срок нам.
 Жизнь, словно гладь стекла, может легко разбиться.
 Лучше, чем есть, могла стать она? Лишь присниться.

После разрыв и мгла.
 Встреча не повторится.
 Душам нужны тела,
 чтобы соединиться.

* * *

Все также будни беспробудны.
 События чудны, а чудны лишь те мгновения, когда меня уносят поезда
 куда подальше...

* * *

Оставив упования,
 держу я на прицеле мысль: цель существованья -
 существованье цели.

* * *

Сердце, как лампочка, перегорело,
 тихо погасло и вмиг постарело,
 перекатилось в костре угольком
 и не желает болеть ни о ком.
 Странно, затихло... В такие-то годы
 рваться ему бы как вольные воды
 из оболочки. как из-подо льда.
 Нет, присмирело. Видать, навсегда.
 Солнце, на небе сгорев, не согрело –
 сердце, как лампочка, перегорело,
 лопнула жизни вольфрамова нить.
 День бы зажечь, проводок починить.

* * *

От контор и трактиров,
 где базар и раздрай,
 пусть спасет сиротливый
 твой бревенчатый край.
 Чья здесь тихая тайна
 под киванье ветвей
 по подсказке случайной
 станет вдруг и твоей?
 Скрыто что под резьбою
 стен из ветхих дерев –
 примиренность с судьбою
 или жизнь нараспев?
 Тайн грядущих носитель,
 строй высоких стволов –
 нерожденных обитель,
 шелест выше голов.
 И сияют покуда
 небеса, как броня,
 проникаешься чудом
 неизбывности дня.

Рассказ

ДИНКА И БОНУС

На день рождения родители подарили Динке велосипед и большую плюшевую собаку. Велосипед был ожидаемым подарком – из своего старенького «Малыша» Динка давно уже выросла. А вот плюшевая игрушка стала для неё сюрпризом.

– Это – тебе бонус, – сказал папа, вручая Динке собаку. – За хорошее поведение.

Вообще-то, если бы Динка называла собаку сама, то она бы выбрала имя Джек. Но раз уж папа назвал пёсика Бонусом, то пусть так и будет – Бонус. Тем более что имя было необычное, какое-то клоунское, и оно очень точно подходило пёсику – тот был весёлый, вислоухий, с круглыми задорными глазами и озорно высунутым ярко-красным кончиком языка.

А ещё у него в животе была спрятана кнопка. И если на эту кнопку нажать, пёсик начинал забавным мультяшным голосом петь песенку, успевая, вдобавок, при этом ещё и звонко лаять:

Любят собак все де-ети!
Любят всех собак на све-ете!
Весело на всех я ла-аю: гав-гав-гав!
Весело с тобой игра-аю!
Всё на свете понима-аю!
И никогда не возражаю!
Гав! Гав! Гав!

Вечером, когда закончился день рождения и Динка ложилась спать, она взяла Бонуса к себе в постель и пристроила его в головках, рядом с подушкой.

– Спокойной ночи, Бонус, – сказала Динка, ласково потрепав пёсика за длинное ухо. – Утром увидимся.

Надо сказать, что спала Динка всегда очень беспокойно. Ей ничего не стоило, например, проснуться утром с ногами на подушке. Или обнаружить поутру своё одеяло и подушку рядом с кроватью на полу. «Одеяло убежало, улетела простыня...» – говорила в таких случаях пришедшая будить Динку мама, и Динка тут же подхватывала: «И подушка, как лягушка, ускакала от меня», – «Мойдодыра» она почти всего знала наизусть.

Вот и в это утро Динка проснулась и не обнаружила на постели своего одеяла. «Ну и ладно! – подумала Динка. – Обойдусь!» и перевернулась на другой бок. И сейчас же знакомый мультяшный голос прямо у неё под ухом запел: «Любят собак все де-ети!..» Динка от неожиданности подскочила на кровати и окончательно проснулась. И обнаружила, что вместо подушки у неё под головой лежит Бонус.

– Ничего себе! – сказала Динка. – Привет!.. А куда ты мою подушку дел?

В это время в комнату вошёл папа. Глаза у папы были красные, да и весь вид у него был какой-то встрепанный.

– Дина, солнце моё! – озабоченно сказал папа...

Динка сразу насторожилась. Дело в том, что папа называл Динку «солнце моё» или «дочь моя», или ещё как-нибудь подобным образом, только тогда, когда у него было плохое настроение или когда он был чем-то очень недоволен. Например: «Дина, дочь моя! Ну не мешай, пожалуйста! Ты же видишь – я очень занят!». Или: «Дина, свет очей моих! А почему у тебя опять по математике трояк?!» Когда же у папы настроение было хорошее, он называл Динку как-нибудь весело да ещё зачастую и в рифму. Например: «Динка-картинка». Или даже: «Динка – два ботинка»...

– Дина, солнце моё! – сказал папа. – Могу я попросить тебя об одном одолжении?

– Можешь, – подумав, согласилась Динка.

– Не бери ты больше своего пёсика на ночь в постель. Пусть он ночует где-нибудь в другом месте.

– А что? – удивилась Динка.

– Что? – папа почесал свою и без того лохматую голову. – Да мы с мамой из-за твоего пёсика сегодня всю ночь не спали. Наверное, раз сто эту песенку его дурацкую послушали, – и папа, скривившись так, как будто у него заболели все зубы сразу, фальшивым мультяшным голосом спел:

– Любят собак все де-ети! Любят всех собак на све-ете!.. Она у меня до сих пор в голове крутится! Я уже сам к утру чуть лаять не начал!

– Да?! – удивилась Динка. – А я ничего не слышала.

– Нимало не удивлён! – сказал папа. – Если бы я весь день на велосипеде гонял, как сумасшедший, я бы, пожалуй, тоже ночью дрых без задних ног и ничего не слышал... Ну что, договорились?

– Ладно, – сказала Динка, – договорились, – она не любила огорчать своих родителей.

Когда папа вышел из комнаты, Динка укоризненно сказала Бонусу:

– А ты, Бонус, оказывается, хулиган!

(продолжение на стр. 11).

(начало на стр. 10).

Но Бонус, явно, не чувствовал себя виноватым. Он лежал на спине, растопырив во все стороны свои плюшевые лапы и выставив напоказ мягкий жёлтый живот, как бы приглашая: «Почеши!».

– Нет! – твёрдо сказала Динка. – Играть мы сейчас с тобой не будем. И спать со мной ты тоже больше не будешь! Теперь ты будешь жить... вот здесь!

Она соскочила с кровати, подошла к шкафу и, раздвинув книги, усадила Бонуса на полку.

– ВОТ теперь твоё место! – строго сказала она ему. – И не вздумай обижаться! Сам виноват!

Но Бонус и не думал обижаться. Он по-прежнему весело смотрел на свою хозяйку и всё так же подставлял ей своё восхитительное плюшевое брюшко: «Ну, почеши! Ну что тебе стоит!»

– Ну ладно! – «оттаяла» Динка. – Так и быть. Уговорил, – и она с удовольствием погладила мягкое жёлтое пузо.

И сейчас же весёлый мультяшный голос задорно затянул:

– Любят собак все де-ети! Любят всех собак на све-ете!..

– Гав! – отчётливо сказал на кухне папа. – Гав-гав!..

Владимир Юринов; Андреаполь

Рисунок Ирины Старомужевой; Новосёлки, Жарковский район

- Встречи в библиотеке

ПЕВАКИ КАЗАКИ

В нашей стране нет человека, не знакомого с великим романом Михаила Шолохова. Новую, четвёртую по счету экранизацию «Тихого Дона», снятую Сергеем Урсуляком, приняли не все. В день выступления «Стёжек» – фольклорного ансамбля, исполняющего казачьи песни, в фойе библиотеки на большом экране предусмотрительно демонстрировали фильм, снятый гениальным Сергеем Герасимовым. С экрана на зрителей Аксинья смотрела глазами любимой актрисы Элины Быстрицкой.

Атмосфера к восприятию казачьей песни была создана. Исполнителей было всего двое – супруги Евгений Воликов и Елена Сахарова. Москвичи, поселившиеся в соседнем Охвате вначале на лето, а два года как на постоянное жительство, охотно откликнулись на приглашение андреапольской библиотеки. До этого они с успехом представляли казачью песню в Лугах. Елена по профессии архитектор, Евгений – инженер-электрик.

Название «Стёжки» этот семейный ансамбль получил по названию хутора Стёжинский, где прошла их первая экспедиция по сбору фольклорного материала – песен верхнего Дона. Потом экспедиций было множество, большей частью на юг России. Евгений считает, что настоящий фольклор сохранён народом лишь на юге и севере нашей страны. В остальных местах он забыт с исходом коренного населения в города и опустением деревень. Во всяком случае, на вопрос о том, почему они, москвичи, не выбрали для себя более близкого территориально региона, он ответил: «А где вы там его видели, фольклор?».

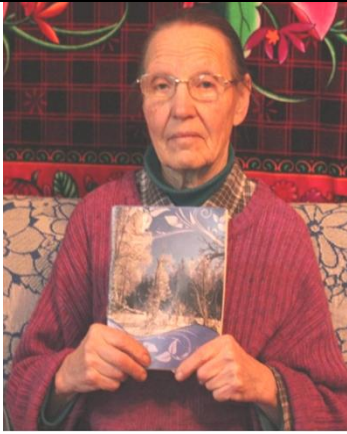
Но в основном два часа, в течение которых длилось выступление гостей, занимало исполнение казачьей песни. Начиная со времён языческих и кончая более поздними.

Поскольку казачество – это воинство, кавалерия, и песни преобладали военные. В них читалась история казачества верхнего Дона, вмещающая в себя как преданность царю и Отечеству, так и бунтарский дух Пугачева и Разина. Как воды Дона перекачивались в песне бесконечные «оо-ее», перемежающие слова, делавшие звучание слитным, единым, где незаметен даже перерыв для вдоха. Признаться, не с первого раза без привычки удавалось слушателю вычленивать, выделить и сами слова песни среди распева этих гласных.

Были песни и о любви. Например, как полюбила казака варшавочка-бабочка, посадила его на кровать и стала целовать-миловать. Опять же, и в любовной песне вторым планом читались военные события – походы в Европу.

Яснее и ближе стал Дон слушателям после знакомства с творчеством «Стёжек».

М. Алексеева

- Духовное наследие

ЭХ, ЧАСТУШКА РУССКАЯ!

На краеведческой конференции эта девочка сразу обратила на себя внимание слушателей. Хотилицкий фольклор она представляла со знанием дела. Понятно, девятиклассница готовилась. Это подтверждал её основательный доклад, в котором значилось, что исследовательская работа Анастасии Денисовны Максимовой четырнадцати лет выполнена под руководством сразу двух преподавателей: Ж. В. Алтуховой и Д. Н. Дроздовой. Но не только в этом было дело.

Чувствовалось, что девочке это занятие по душе, что она знает толк в том, о чем говорит. А когда она достала тетрадочку с частушками, записанными одной из представленных ею собирательниц, стало ясно, как Настя дорожит ею, как бережно к ней относится. Любопытным, сразу потянувшимся полистать заветную тетрадь, Анастасия разрешала это сделать лишь под собственным присмотром и то недолго. Она оберегала тетрадочку как небывалое сокровище. Позже выяснилось – почему.

Что сегодня принято завещать своим потомкам? Квартиру, прочее имущество, которое зачастую становится яблоком раздора между родственниками. А вот для Насти Максимовой бабушка приготовила в наследство тетрадь, где тщательно и старательно записывала частушки годами. Понимала Юлия Анисимовна цену своего труда, ведь в частушке народной кроется сама история народа. В ней выражены его беды и чаяния, которых было, пожалуй, больше, чем радости. Но и радость присутствует, и если уж она есть, то бьёт через край.

И самое главное, бабушка сумела и внучке передать то трепетное отношение к народному творчеству, которое испытывала сама. Вот что написала Настя о бабушке в своей работе:

«Живёт в наших краях необыкновенная женщина с глазами светлыми, лучистыми и очень добрыми. С виду маленькая, хрупкая, но много вынесшая на своих женских плечах.»

Родилась Юлия Анисимовна Никандрова 18 мая 1941 года в деревне Капустино Петрякеевского сельского совета Торопецкого района. В школу с 1-го по 4-й класс ходила за четыре километра в деревню Чистое. Затем переехали в Стрежисно, там находилась школа-семилетка. Училась в ней два года. В 7-й класс сходила всего один день. Семья жила очень бедно, не было денег даже на тетради.

Больше учиться нашей героине не пришлось. Всю свою жизнь она добросовестно трудилась: обрабатывала лён, пасла коров, ухаживала за телятами, работала дояркой. Ей присвоено почётное звание «Заслуженный работник сельского хозяйства Российской Федерации». В душе она осталась молодой и задорной, а речь её пересыпана шутками-прибаутками. Войдёшь в её дом, залюбуешься – кругом море цветов, всё сверкает чистотой.

В толстую общую тетрадь Юлия Анисимовна занесла более двух с половиной тысяч частушек. Многие из них она когда-то услышала и записала, некоторые сочинила сама».

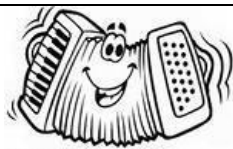
Редкий факт, не правда ли? Но уже по тому, что он есть можно надеяться, что не канут в лету русские традиции, останутся в памяти потомков и передадутся дальше.

Надо сказать, что в работе Насти есть страницы, где представлены и другие жители села Хотилицы и его окрестностей, имеющие прямое отношение к песенному фольклору: исполнители, гармонисты, балалаечники. Есть раздел со свадебными песнями, исполнявшимися в этих метях. И всё-таки, и всё-таки, раздел, посвященный бабушке особенно подкупает.

Мы с радостью знакомим читателя (с разрешения хозяйки и наследницы тетради) с её содержимым. Здесь представлена лишь небольшая часть собраного Ю. А. Никандровой.

М. Петрова
(продолжение на стр. 13).

• Духовное наследие

**Из тетради
бабушки Юли**

Что-то случилось, случилось:
Перестал милой ходить.
Не сама ли виновата?
Много стала говорить.

Хорошо в школе учиться
И пятерки получать.
Только плохо к концу года
Испытания сдавать.

Я испытания сдавала,
К стенке приклонилась,
Сердце биться перестало,
Кровь остановилась.

Все «четыре», все «четыре»,
А когда же будет «пять»?
Все учиться, да учиться,
А когда буду гулять?

Лягу спать, а мне не спится,
На железной койке,
Из-за тебя, мой дорогой,
Я получаю двоички.

Ах, пальто, мое пальто,
Не берет замуж никто.
Пойду в поле закричу:
«Караул, замуж хочу!»

Сама частушки сочиняю,
И сама я их пою,
Хотя молодость прошла,
А частушки петь люблю.

Выхожу и запеваю,
Запеваю просто.
Я частушки буду петь
Лет до девяноста.

Если хотите вы узнать,
Откуда я девчоночка,
Я из Капустина села,
Сашина сестрёночка.

На горочке – две елочки,
Под горочкой – сосна.
Я молоденькая девочка
В военный год росла.

Меня милый провожал
До березовых лядин,

Всю дорогу уговаривал:
Придем и поедем.

Давай, милый, посидим
Нам почёт с тобой один:
Я девчоночка-крестьяночка,
И ты не господин.

Колечко золотое
Подарил мне дорогой.
Подарил, потом сказал:
«Давай поженимся с тобой!»

Не ругай меня, мамаша,
Не ругай, мамашенька,
Ты сама такая *была* –
Провожал папашенька.

Говорят я не красива,
Правда, не красавица,
Но не все красивых любят,
Кто кому понравится.

Говорили, говорили
И договорились.
Под меня канаву рыли –
Сами провалились.

Девочки, огонь-огонь,
Он заливается водой.
А любовь она зачем –
Не зальешь ее ничем.

Мне цыганочка гадала
И качала головой:
«Молодая замуж выйдешь
и останешься вдовой».

*(Бабушка сочинила эту частушку про себя, так как
осталась вдовой в возрасте 45 лет.)*

Вспомни, милый, как гуляли,
Как мы расставались,
Слезы падали на розы,
Розы осыпались.
* * *

А мне милый изменил,
Изменил так изменил:
Он и сам рубашку белую
На черную сменил.

Рассыпался горох
По широкой грядке,
Я частушки вам пою
На восьмом десятке.

Капустино село
На горочке стоит.
Не по горочке, по Родине
Душа моя болит.

• Носит ветер оговоры
Светлана Большенкова,
Нелидово

* * *

Ты запри ворота крепче на
запор,
Занавесочки задёрни на окне.
Не шутейный по деревне разговор,
Что ты, милый, запохаживал ко мне.
Знают ночи наши все наперечёт.
Ну, а я ни от одной не откажусь.
А молва уже, как реченька, течёт,
Дескать, я тебе нисколько не гожусь.
Дескать, девушек на выданье окрест,
Как лазоревых цветочков на лугу.
И красавица любая из невест.
Ну а я ничем похвастать не могу.
Мол, ни телом, и ни ростом не взяла,
И приданым не забиты сундуки.
Только я ещё и кос не расплела,
А косились украдкой мужики.
Знамо – ведьма! Злятся бабы за спиной,
Да и девкам меня не за что любить.
Говорят, что ты не просто так со мной,
Заговором, мол, смогла приворожить...
...Крепко заперты ворота на запор.
Занавешено на улицу окно.
Носит ветер по деревне оговор,
Да не страшно это нам уже давно.

Татьяна Лапко,

Андреаполь – Великие Луки

В ИСТРЕБЛЕНЬЕ СЛЁЗ

Завидуют, конечно, часто нам.
Но ты не лезешь в душу ни к кому.
Врагам не уступая ни на грамм
Молчишь, конечно. Только почему?
Звучат вокруг преедкие смешки.
Нарочно подстрекают, чтоб сама
Для чьих-то игр лепила вдруг снежки,
Чтоб медленно сходила бы с ума!
И вот тогда – завариваешь чай,
И разрешаешь сложный свой вопрос,
И пишешь так, что чувства через край
Всё прибывают в истребленье слёз.
И звёзды зажигаются в ночи –
Так ты опять идёшь на зов стихов,
И ярче свет в углу горит свечи –
Чтоб успокоилась в краю заветных слов.
Твои проблемы будут решены,
И в этом всё поможет верный друг,
И на правах родной его жены
Услышишь снова сердца ровный стук.

Игорь Столяров,
Нелидово

* * *

Явились гости в тоске и в мыле...
Не обглодали – так перемыли!

Пётр Бобунов,

Нелидово

* * *

На лавке бабушки торчали,
завидев голые пупки,
с досадой головой качали:
Вот мол, распутницы каки! ...
А сами эти бабки в прошлом
ходили в юбках выше «можно».

Маргарита Петрова,

Андреаполь

ПОЧЕМУ НЕ ПРО МЕНЯ

– Говорят, что Люська с Ванькой
В жаркой баньке целый день...
– Зря болтают, да не в баньке,
Там, где Савушкин плетень...

– Говорят, что Люська с Витей
Тайну страшную хранят.
– Люська с Витей? Ну, не жить ей.
Вот нашлась, блин, Нефертити...
Ну, скажите, ну скажите
Полсловечка про меня.

Юлия Алексеева,

Андреаполь

ЯЗЫКИ

Вам нет покоя в полости нечистой,
Вас бьют об зубы, словом не щадя,
При вашей гнусной помощи так быстро
Потоки слухов бешено летят.

Вас не берет типун большой и гнойный,
Сотрёте сплетней нёбо до крови.
Вас изрезает словом непристойным
К тщеславию тяга, к быстроте молвы.

Вы тешитесь о жизни посторонних,
промывши кости всем, кому не лень.
А сущность ваша, в целом, двустороння –
Словцом поёте разным каждый день.

Хозяева без чувства и утраты
Дурную сплетню вами разнесли...
Мне жаль вас бедных, ведь не виноваты,
Что в полости такой вы проросли.

• Непридуманная история

НИКТО У БОГА НЕ ЗАБЫТ

Вячеслав Макаренко с раннего детства очень любил лес. Он знал в здешних окрестностях все ягодные и грибные места. В лесу он не испытывал той сиротливой заброшенности, какую иногда ощущал в деревне. Наибольшее одиночество приходило к нему в скоплении некоторых людей, потому что им не было до него никакого дела. Как у Лермонтова:

Страшнее нету одиночества,
Чем одиночество в толпе.
Когда другие все хохочут,
А плакать хочется тебе.

Слава рос без отца. Самыми близкими для него были мама и бабушка. Без твердой надежной мужской опоры всегда нелегко. Вначале его родительский дом находился в деревне Глухареве. Этот старенький дом уступила им Зоя Ивановна Галягина, местная учительница. В нем когда-то жила она с мамой и сестрой. Эта женщина очень любила Глухареве. Она никогда не теряла связь со своей малой родиной. Долгие годы была здесь депутатом. И ей было далеко не безразлично, кому уступить отчий дом.

Потом дом сгорел, и семья Макаренко перебралась в Синичено. Эта красивая деревня располагалась на берегу реки, и Слава с удовольствием рыбачил. Его неудержимо тянуло посидеть на берегу с удочкой. В такие минуты думалось о многом. Хотелось переосмыслить свою жизнь.

Семья Макаренко дружно ухаживала за овцами. Именно в Синичене и находилась овчарня совхоза «Спутник». Слава с раннего детства познал всю крестьянскую работу. Возвратясь из Армии, он стал работать лесником. Это было как раз то, что требовала его душа. А, впрочем, Слава придерживался в жизни такого принципа «Не та забота, что много работы, а та забота, что нет ее».

Когда Макаренко сократили, он стал искать выход из положения. На своем личном тракторе обрабатывал огороды, заготавливал дрова, помогал на сенокосе. Плату за свою работу брал мизерную. К рвачам не относился.

Ему все в жизни доставалось только честным трудом. Когда Слава решил обосноваться в Козлове, он перевез дом из деревни Хвостово, что находилось в ключевской стороне. Раньше в нем жила Мария Андреевна Бойкова, помощник бригадира по животноводству. Хорошо, что дом этой добросовестной труженицы достался именно этому человеку. Они были близкие по духу.

Слава сам срубил баню, хлев, построил летнюю кухню. Он не только хорошо разбирался в строительстве, но и очень любил сооружать что-то новое. Ему потом нравилось смотреть на дело рук своих.

С годами у Макаренко образовалась своя семья. Но вот детей Бог не дал. Когда умерла жена, для Славы это стало настоящей трагедией. У Сергея Есенина есть такие строки:

Как тогда я отважный и гордый.
Только новью мой брызжет шаг...
Если раньше мне били в морду,
То теперь вся в крови душа.

Душа Славы была действительно в крови. Он как будто потерял интерес к жизни. Как люди после утраты. Все есть, а ничего не мило. О своем здоровье не думал, потому и запустил болезнь. Врачи не смогли его спасти.

Прожил Вячеслав Макаренко всего 44 года.

Организацией похорон занималась Инна Вернер, дочь вышеупомянутой Зои Ивановны Галягиной. Она была его крестной. Земляки собирали деньги на похороны. Его друзья копали могилу.

Оплакивала его вся деревня. Отправлять Славу в последний путь приезжали даже одноклассники.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

• Весёлый конкурс:

«Отыщи свою траву»

Наш весёлый конкурс набирает силу. Авторы находят всё новые и новые достоинства растений и трав, совершающих с людьми чудодейственные превращения: от любовных приворотов до небывалых лечебных эффектов и даже способности сделать прибегнувших к травяным средствам богатыми. Присоединяйтесь все, кто знает не названные ещё секретные свойства трав.

Любовь Егорова,

Осташков

Мнут подошвами ног подорожник,
А ему будто нравится это,
А иначе зачем у дороги
Он нашел свое место, не где-то.

Отмываясь дождями от пыли,
Прогибаясь под тяжестью ног,
Он развить в постоянном экстриме
Свои свойства полезные смог.

Тем и жив, что другим помогает,
Скорой помощи побратим.
Подорожника жизнь не простая,
Но зато он известен и чтим.

• Улыбнись

Игорь Столяров,

Нелидово

* * *

Я смотрюсь на фоне арки
Органичнее Петрарки,
У моста неброского –
Импозантней Бродского,
В свете дня весеннего –
Ветреней Есенина,
А на пляже в неглиже –
Эротичней Беранже.
И пускай бранится кто-то:
"Виршей мало, много фото!", –
Я нашел судьбу свою:
Стал поэтом! И стою...

* * *

Закурим, няня, папиросы!
Вечор, ты помнишь, как хотелось
С размаху нам решить вопросы:
Кто виноват и что поделатъ?
А нынче, глянь – опять негладко,

Другая пчелка в темя колет:
Явилась новая загадка –
Какого хрена и доколе?!

* * *

Есть некто в темноте,
кто звезды зажигает,
А после звезды те
совместно "зажигают".
Но если у звезды
"во лбу звезда горит",
Она с другой звездой
нечасто говорит.

КОМАР-МУЗЫКАНТ

(басня)

Однажды юноша-комар
В себе открыл волшебный дар:
Едва он пустится в полет,
Как тотчас тонко запоет!
Для комаров искусство внове:
Они обычно алчут крови,
А наш герой познать взалкал
Академический вокал.
Над ним в лесу смеются звери,
В него пока никто не верит,
Однако чует паразит,
Что мир искусством поразит!
Талант зовет – и гений мчится
В консерваторию: учиться.
Сияет директриса-моль:
"Какой чудесный ля-бемоль!
Дар налицо, харизма есть!
Теперь возьмите фа-диез".
Но, сколько б крылья ни мозолил,
Бедняга только лябемолит.
Дни проведя в бесплодном вое,
Секунды так и не освоил,
Ну, а когда иссяк запал,
Несчастный запил и пропал.
А с ним и музыка пропала –
Ей не хватило интервала,
Подачи, плавности полета
И, может быть, еще чего-то...
Тот день давно умчался вдаль,
Но мы усвоили мораль:
Всегда в почете и престиже
Уменье взять на тон пониже.